

Инна Костяковская

Формулы чувств

Инна Костяковская

Формулы чувств

Мои бесконечные слова благодарности
моему мужу Юрию – за поддержку и участие,
поэту, моему другу Марку Меламеду – поэтическому
редактору
книги и
замечательному художнику Виктору Кинесу,
разрешившему мне украсить своей картиной «Три
Грации» обложку книги.

Хайфа,
2015г.

*Стихи – результаты бессонницы,
Натянутых в небе струн,
Мыслей летящей конницы,
Шёпота сумрачных лун.
Вечное это таинство
Слёз и душевных буйств...
И ничего не меняется
В этой формуле чувств.*

Пусть небо хайфского залива
Сегодня как прозрачный лёд,
Но по морю неторопливо
Кораблик розовый плывёт.

Волна его качает мерно
И что-то шепчет в тишине.
И жизнь не кажется мне скверной!
А, может быть, не только мне?..

Клетки, пешки, похожесть лиц
И взгляд Короля уставший,
Жизнь – всего лишь шахматный блиц,
Где ты – всегда проигравший.
Стоишь у края, у полосы,
За ней – только в небо путь,
Тебе удалось обмануть часы,
Но время – не обмануть...

Облака цепляются за вершины
Гор, чернеющих вдалеке,
Жизнь моя, ты – одни равнины,
Жизнь моя, ты – в одной строке.
Солнце, ветер и маки в поле,
Всё с гармонией здесь в ладу!
Всё останется божьей волей,
Всё останется. Я уйду...

Не пытайте духовным голодом
Безучастных каменных стен,
Я вчера умерла от холода
У твоих колен.

И пропел по мне поминальную
Серый воздух, вчерашний мрак,
О судьбе, что была печальною,
Как бездомная жизнь собак.

Небо упало на плечи –
Такой нелёгкий груз,
А мы друг друга лечим
Звучанием вечных муз.
Слушаю «Белую стаю»,
Ахматовский звукоряд –
Как будто бы жизнь листаю,
Как книгу – листаю назад...

Зимняя одиссея

Ты сеял бурю, истинную страсть.
Кого любил? Кого ты ненавидел?
Как долго карта не ложилась в масть?
Кого непониманием обидел?
Зима всегда причина наших бед.
Зимой быстрее замерзают чувства.
Любить зимой – особое искусство.
Искусство поражений и побед.

Нелепица, безделица,
Жизнь под ногами стелется,
Идём — в дожди и вьюгу
По замкнутому кругу.
Меняемся в значении,
Где перспектива роста —
Жизнь видеть как творение —
С рожденья до погоста.

Пусть душа моя скорбящая,
Свой верша круговорот,
Смех – оставит настоящему.
Плач – с собою заберёт.
Горизонт – звенящей линией
Разделяет свет и мрак,
Я тебе оставлю лилии,
Заберу – больных собак...

Ты ли мне тоску предсказывал?
Не пугай! С меня – довольно.
Знаю – время – шарфик газовый,
Всё тесней сжимает горло.
Всё безжалостней и строже
Отраженье в зеркалах.
И ничто мне не поможет
Победить всегдашний страх...

Мой кораблик куда-то рвётся,
Только якорь вцепился в грунт.
Удивляюсь, как удаётся
Мне душевный, телесный бунт!
Ветер рвёт и терзает парус,
Горизонт – бесконечность, синь!
Я стараюсь, я так стараюсь
Из последних, последних сил!

Отступишь от меня, попробуй!
Отодвинь на второй план!
Я к тебе возвращусь хворобой,
Растревожить морщины ран.
Я вернусь, чтобы снова сгинуть
В дебрях памяти навсегда,
Разве сможешь меня покинуть?
Разве слёзы мои вода?

Не пей этот яд, не пей!
Не читай этих строк, не надо –
Приставучие как репей,
Как осенняя канонада.
Если гром проникает в дом,
Не помогут глухие ставни,
Я – наркотик, удав, питон,
Я тебя живым не оставлю...

Будем жить! И в любую погоду
Сочинять и придумывать жизнь.
И использовать главную квоту
На любую безумную мысль,
На любое безумное действие,
На слезу, на тоску, на каприз.
Я спасу тебя от фарисейства.
Ты меня – от падения вниз...

Наше время так быстро вышло
Под мелодию грустных нот.
Помнишь, как собирали вишни?
Как варили из них компот?
Этот запах, вишнёво-сладкий,
Этот нежный приятный вкус,
Вспоминаю, когда мне гадко
И когда жду явленья муз.

Я навсегда припаяна к тебе.
И этот сплав всего, всего дороже.
Давно ноябрь. Но в нашем ноябре
Любовный жар я ощущаю кожей.
Ругай меня, ревнуй – мне всё равно,
Как благодать – всё от тебя приемлю,
Пью нашей страсти горькое вино
И улетаю, покидая землю...

Ничего никогда не изменится.
Те же тени на берегу.
Я всё та же, всё та же пленница.
От себя целый век бегу.

Где-то ветер качает парус
И волна догоняет прибой.
В одиночестве растворяюсь,
Даже если всегда с тобой.

По-осеннему пахнет вечер,
Брызги моря и фонарей,
И закату легла на плечи
Изумрудная ткань морей.

Тихий берег. Мотив печальный.
Пальмы, камни и вечный песок.
Я – гармонии гость случайный.
Не случайна гармония строк.

Ещё одна прочитана глава.
По гребню гор опять скатилось лето.
И сказаны прощальные слова –
Песку и солнцу спеты все куплеты.
И будет осень отражаться в лужах,
Стекать по окнам дождевою пеной.
Ты будешь снова осенью простужен,
А я – благословенна...

За окошком тьма бродяжная,
Дней осенних приворот,
Проводи меня, отважную,
Ты хотя бы до ворот.
Я на все четыре стороны
Отправляюсь в дальний путь.
Будут каркать злые вороны
И ветра разлуки дуть...

Осенний этюд

И плач, и смех, и миллион чудес
С тобою пополам мы разделили.
Смеялся за окном безумный бес,
Поникли стебельки гардинных лилий.

На кухне чайник жалобно завыл,
Продрогший пёс залез под одеяло.
Ты никого сильнее не любил,
А мне всё мало, мало, мало...

Эта осень какая по счету?
И какая по счету тоска?
Ты имеешь особую квоту
На серебряный цвет у виска.

Есть великий Творец и художник!
Он ещё не закончил портрет.
Ты – натурщик и вечный заложник
Эфемерности прожитых лет...

Я терпеть не могу эту адскую жизнь,
Эти вымыслы, эти сказки.
Только ниточка есть – за неё и держись –
Собирай анютины глазки.
А когда придётся ответить нам
За грехи за земные наши –
Мы разделим букеты напополам,
И поставим в небесной чаше...

Ах, снова – небо в алмазах!
И кому какое дело,
Что ночь выпивала сразу,
Летела куда хотела!
И лишь предрассветной ранью
В наш возвращалась дом,
Услышать твоё дыхание
И раствориться в нём!

Ю.К.

Прости немытую посуду
И пересоленный салат
За миг прикосновенья к чуду,
За вдохновения обряд.
Когда ко мне приходит Слово
Во всем величие своём,
Я лишь ему служить готова
За дрожь, что чувствуем вдвоём...

Жизнь – рубашка наизнанку,
Но чувствую неровность шва.
Я в тебе нашла Петрарку,
В себе – Лауру не нашла.
Примеряю каждый вечер
На себя чужой наряд,
Тот, что сдавливает плечи,
Тот, что портит звукоряд...

Прости моё непонимание
И невнимание — прости!
Стихи приходят без названия
И вылетают из горсти...
Побывать одной сегодня хочется.
Услышать переливы фраз.
Я ненавижу одиночество,
Но это то, что вечно в нас.

Пристрели меня, мой хороший,
Если в чём-то тебе врал,
Вредно жить, говорят, но всё же,
Я счастливой с тобой была...
Не безгрешную, дикую, шалую,
Ты земную меня любил,
За тобой я – и в ад пожалуйю,
Если в рай попадать другим...

Убивай меня ревностью.
Режь меня на куски.
Постарею из вредности,
И умру от тоски.
Все, что было назначено –
Не исполню всего.
Потому что потрачена
На тебя одного.

Я – как дым сигаретный,
Что струйкой уходит вверх!
Я – тенью незаметной
Вершу свой смертельный грех.
Сквозь слезы я улыбаюсь
И плачу, когда смешно,
О, Господи! Я не каюсь!
Разве любить грешно?

Не пора ли, не пора ли
Погасить в салоне свет.
От неоновой спирали
Толку никакого нет.
Пусть опять мерцают свечи
Романтическим огнём.
Ты и я. И этот вечер.
Лишь для этого живём...

Нерастраченная нежность
Губ горячих и сухих.
Миг с тобой похож на вечность
Или вечность длится миг?

Ничего не понимаю,
Объяснений не прошу.
Или жизнь подобна раю,
Или дом наш – шалашу!

В жизни есть такие параллели,
Как границы встреч или разлук,
Словно шрамы у тебя на теле
Иль на сердце – память губ и рук.

Не скорблю, о том, что потеряла,
Но когда волной накатит грусть,
Понимаю, что опять, сначала
Этой географии учусь.

На закате бабочки серы.
Не люблю это время суток.
По ухоженным улицам сумрак
Бродит нищим миссионером.
Из распахнутых настежь окон –
То ли плач, то ли детский смех...
Мой закат из тумана соткан,
Сшит иглою дорог и вех...

Попробуй на вкус мою любовь,
Испей этот сладкий яд!
Я из той породы чёрных вдов,
Которых боготворят.
И не надо потом жалеть себя,
Не надо меня жалеть,
Мы жизнь выбираем с тобой, скорбя,
Без горечи – боль и смерть.

Бабочка

У меня – в запасе вечность,
У тебя – лишь два часа,
Крыльев нежная беспечность!
Однодневная краса!
За неё заплатишь цену –
Вымокнешь в холодный дождь.
Красота всегда негленна,
Ты красавицей умрёшь.

Жизнь всегда кончается рано,
Хор кузнечиков спит до весны,
Небо, как огромная рана
Не вмещается в старые сны.
За туманами прячется солнце,
За туманами горьких разлук,
И тебе никогда не придётся
Напрягать больше зренья и слух...

Как-нибудь дотянем до весны.
Доползём. Ведь некуда деваться.
И увидим радужные сны
И вдохнём пьянящий дым акаций...
Как-нибудь дотянем. Ерунда,
Что до крови содраны колени,
Пережить бы смену поколений,
Как переживали холода...

От того, что придут дожди
И туманность безликой осени,
Новых песен моих не жди
И не мучай меня вопросами.

Я совсем не могу летать
И виною всему простуда.
Но мы оба умеем ждать
И сумеем дожждаться чуда...

Моя всегдашняя беспечность,
Моя всегдашняя усталость,
Я принимаю быстротечность
Тех лет, что нам ещё остались.

Бродить ли мне с сумой по свету,
Забиться ли в заботах дня?
Все, что начертано поэту
Не отнимайте у меня!

Мир у тебя на ладони,
Мой хрупкий, хрустальный мир,
В дыхании, в песне, в стоне,
В звучании нежных лир.
Мой мир – мотылёк, живущий
Меж датами – прочерк, штрих.
О, Господи всемогущий!
Строфа, вдохновенье, стих...

Я опять молюсь неистово
В небе тонкому лучу.
Необъявленная истина –
По слогам тебя учу.

Луч прекрасный и таинственный,
Этот вечный лунный свет,
Ты один, один, единственный
Знал всегда, что я – поэт...

Душу лечу стихами...

Гасите лишний свет!
Не надо притворяться.
На сцене дней и лет
Так много декораций.
Скрипит её паркет,
Скребутся мыши в щелях,
Живём мы столько лет
На разных параллелях.
Никто не крикнет «бис»,
Судьба неповторима
Актёров и актрис,
Играющих без грима.

Закончилась эпоха пацифистов,
Наш шарик превратился в сдутый мяч.
Как много фальши в голосах артистов,
Как слишком лживы их и смех, и плач.

Какую за билет назначим цену,
Где новый Гамлет будет умирать?
Давно не убирали эту сцену,
Да и декор давно пора менять.

Кипят вокруг шекспировские страсти
И снова умирают короли,
Мы делим на куски пирог из счастья,
Но слишком мало для ножа земли.

Грустный клоун! Что не спится?
Капает из глаз водица.
Жизнь – дизель да бемоли.
Все шуты мы поневоле.

Кто-то – в зале, кто – на сцене.
Разные мечты и цели.
Разные глаза и лица.
Разностью должны гордиться.

Все мы лишь комедианты.
Все. И нищие и франты.
Кто – во фраке, кто – в обносках,
В жизнь играем на подмостках...

Дорога

Ничего не прибавить,
Никого не догнать,
Эта зимняя зямья
Вдруг закончится в пять.

По крутым переулкам,
По морщинам асфальта,
Время шествует гулко
До ближайшего марта.

И согнётся дугою
Горизонт вдалеке,
Мы дорогой другою
Поспешим належке.

Пусть осилит идущий
И дорогу, и грусть,
За туманом грядущим
Встал рябиновый куст.

Мы с тобой только люди,
Так беспечно наивны,
Верим в таинство судеб
И в весенние ливни...

Учи, артист, учи, мой друг,
Свои смешные роли!
Жизнь – это пьеса из разлук,
Отчаянья и боли.

Играй артист, играй, мой друг!
Ты наделён талантом.
Что жизнь и смерть? Всего лишь круг.
Так стань комедиантом.

Премьера. Занавес. Аншлаг.
Ты справился отлично.
Сегодня – друг, а завтра – враг.
Вся жизнь трагикомична.

Я не люблю, когда дожди идут,
Когда туман накрыл просветы в кронах,
Мне кажется – наш призрачный уют
Затопят хляби. Слышу в ветра столах

Чужой мотив. Ни сердцу, ни уму
Непостижим он или недоступен.
Но это жизнь. И вопреки всему
Она прекрасна в сером своде буден...

Душу лечу стихами.
Ворую чужой порыв.
Тревога приходит снами –
Маленький ядерный взрыв.
И мне, разрывая жилы,
Сердце, аорту, вены,
Твердит – неправильно жили –
Мелко, второстепенно.

Что нас гонит, так гонит из города
По дорогам житейских обид?
То страдаем от дикого холода,
То от зноя все тело болит.

Жизнь течёт с перерывом на пятницы,
На субботнее чудо молитв,
Никакой нет существенной разницы –
Мы живём или делаем вид.

Тают годы и тают мгновения,
Тают звёзды в пугающей мгле.
Это к вечности прикосновение.
Может, ты и не жил на земле...

Мы устаём от жизни быстрее,
Чем жизнь устаёт от нас.
Песочное наше время –
Теперь для отвода глаз.
Будут сыпаться камни
И водопады течь,
Кто-то вспомнит о главном –
Скажет тост или речь...
А ты смахнёшь между прочим
Улыбку или слезу,
Вспомнишь таинство ночи
Или глаз бирюзу.
Мир, что в тебе – исчезнет быстрее,
Чем ты исчезнешь в нём.
Песочное наше время
Затянет тебя живьём...

Не надо больше о грустном.
Давай поменяем тему.
Если дышать искусством,
Всё чёрное – второстепенно.
Ещё между датами прочерк
Рано ставить, мой друг,
Есть неба блистательный росчерк,
Есть тайны встреч и разлук,
Есть вечное притяжение
Бунтарских и нежных душ,
Есть солнце. Его скольжение
Закрасит чёрную тушь...
Не надо больше о грустном.
Ты просто устал от вьюг!
Но в марте проснутся чувства
И ты оживёшь, мой друг!

*«Все чаще, чаще падаю...»
Василий Федоров*

Всё рвусь, всё рвусь неистово
В ту даль, где облака,
Где на желанной пристани
Тепла твоя рука.

И падаю всё чаще
В своём пути наверх,
То слышу плач скорбящий,
То слишком злобный смех.

Всё мчусь на страшной скорости
Наперекор всему
Туда, где жизни лопасти
Перетирают тьму...

Так было раньше. Будет после нас.
И повторится всё в девятом круге –
Суды – несправедны, «наместники – ворюги»,
Испачканный в крови иконостас.

Толпа ослов, стоящая у трона,
Придворный шут, прикормленный поэт
И кардинала мрачный силуэт –
На этом только держится корона.

Жизнь моя... по-прежнему грустится...
И ничто не умаляет грусть.
Мне бы в небо – гордой вольной птицей,
Только с детства высоты боюсь.
Тают облака в заливе хайфском,
Дни как свечи тают. Ну и пусть!
Мне бы в небо – яркой птицей райской.
Только с детства высоты боюсь.

*Памяти моего друга
Миши Эрперта*

1

Отмучился ты, Миша, отстрадал.
Ты столько лет сражался с неизбежным,
Известный всем трагический финал
Кончается когда-то тьмой кромешной.

Три дня не ест, не пьёт твой старый пёс,
Он чувствует недолгую разлуку.
Без слез он расставанье перенёс,
Но кто поймёт его собачью муку?

Насколько он тебя переживёт?
Собачья преданность сильнее нашей дружбы.
Пёс третий день совсем не ест, не пьёт.
А мне семье готовить ужин нужно...

2

Что земным останется нам
От улыбки твоей и голоса?
Делишь с вечностью пополам
Эти белые в небе полосы.
Может, завтра качнёшь луну
И погладишь её руками.
Это мы здесь в земном плену –
Ты свободен над облаками.

Покачнулся мир привычный
И распался на куски,
Не искала в жизни личной
Оправданий для тоски.
Клетка с каменным забором
Пусть разделит жизнь и смерть,
Если равнодушным взором
Сможешь в душу мне смотреть.

Нам бы проще стать с тобою, проще...
Всё простить и другу, и врагу,
И нести свои больные мощи
Загорать на дальнем берегу.
Там, где облака накрыли горы,
Радуга на небе – в сотню вёрст,
Мы забудем склоки и укоры
Может быть, надолго и всерьёз.

Как хочется вверх!
А падаешь вниз...
О, Боже, была я несмелой.
Язвительный смех –
Мой женский каприз
И вечно гнетущее тело.

Наивная глупость твердить о любви
В мире, где всё продаётся,
Но падаю вниз я в ладони твои,
Как в море падает солнце.

Растекаются мысли
И болит голова,
В жарком небе повисли
Чьи-то злые слова.
Одиночество в метрах
Измерять не боюсь,
В тихом шёпоте ветра
Та же слышится грусть.
Жизнь стекает по капле
Предрассветной росой,
Наступаю на грабли
Вновь ногою босой.

Между тоской и безумием
В призрачном мире живёшь,
Ждёшь по ночам полнолуние -
Медный на небе грош.
Утром исчезнут призраки,
Станут светлей дома.
Ищешь безумья признаки,
Чтоб не сойти с ума...

Мой день, мой век не долог –
Где камни – там песок...
Пусть старый археолог
Напишет некролог.
И медленно и шатко,
Качаясь на ветру,
Зелёную палатку
Покинет поутру.
И бросит где придётся
Всё то, что берегла:
И ночь, в которой солнце,
И день, в котором мгла.

И снится мне и снится мне
Всё, что забыть нельзя.
С длинными ресницами
Зелёные глаза.

Они меня, несмелую,
Так мучат по ночам,
Но я давно не верую
Твоим пустым речам...

С ладони сдую прошлое:
Обиды, слезы, месть.
Жизнь – это штука сложная.
Но это то, что есть...

Не говори мне про вчера,
В котором ночи ярче были,
Беспечней были вечера
И на дорогах меньше пыли.

Не говори мне про вчера,
В котором мы на век моложе,
И где стремительность пера
Опробовали гладкой кожей.

Неповторимая пора,
Где звезды падали и гасли,
Где были мы ещё так страстны...
Не говори мне про вчера.

Уплыть туда, в далёкие моря,
Где на полях лишь белые ромашки,
Где календарь не знает января
И не считает грубые промашки.

Уплыть туда, за тридевять земель,
Где люди на порядок выше ростом,
Где жизнь течёт размеренно и просто,
Как по губам божественный елей.

Не обижайте уличных собак.
Они порой доверчивы как дети,
Жизнь их сполна обидела и так...
И убивает равнодушья ветер.

И снится им далёкий тёплый дом,
Улыбчивая добрая хозяйка,
Но только псы не виноваты в том,
Что мы так часто поступаем гадко...

В глазах собачьих вся земная грусть,
Но в их повадках не бывает фальши,
Я никогда уже не научусь,
Увидев их, идти спокойно дальше...

Умирать постепенно,
Растворяться и таять,
А по нервам и венам –
Заморожена память.
Может, вспомню кого-то,
Может быть, не сумею,
Умирающей нотой
В небе замерло время.
Пусть гуляет по крышам
Разноцветный апрель,
Ты меня не услышал,
Жить зачем мне теперь?

Воспоминание

Слова какие мне шептал
И был отважным!
Но губ заманчивый овал
Исчез однажды.

Погасли солнце и луна
В одно мгновенье.
Моя – беда. Твоя – вина.
И миг прозренья.

И уходил небесный луч
В другие веси,
И мир был вязок и тягуч
Без снов и песен...

Привыкала очень больно я
К новой клетке золотой.
Я живу как птица вольная,
Что приручена тобой.
Вспоминая травы плёса
И волнение реки,
Я клюю цветное просо
Из большой твоей руки.
Не спеши, мой друг любезный,
Клетку на ночь запереть,
Мне – ни пьяной и ни трезвой
От тебя не улететь.

Мир останется таким же
Равнодушным, алчным, злым.
Будет Храм разрушен трижды,
Трижды будет возводим.
Повторится жизни драма
И исполнится на бис
И останется от Храма
Пыль задвинутых кулис.

Живи, строка, не понимая,
Что нежной бабочкой из мая
Летишь на гибельное пламя...
Ты умирала сотни раз,
Ты сотни раз рождалась снова.
Ах, мимолётность дней и фраз!
Но вечна повседневность слова.

Каждый день обнажаю душу...

Верю всегда в крутой кипятилок
Дождливого вечера,
В окно, выходящее на восток,
В обман пути млечного,
В улыбку, что вдруг на губах цветёт,
Когда глаза исторгают молнии,
В хрустальный купол, в небесный свод
И в тропы высокогорные.
Верь в то, что видишь вокруг себя,
Как веришь в любое творенье божье,
Люби этот мир, люби, скорбя,
О том, что правду ты видишь ложью,
О том, что ложь обретает смысл,
Когда её повторяют массы,
Плати по счетам за чужую мысль,
А мелочь оставь у платёжной кассы.
Вот так расставятся по местам
Твои надежды и амбиции –
И гвозди найдутся к большим крестам,
И факелы для инквизиции...
Ну, что же, ведьмой гореть в костре
Давно привычное дело!
Пусть пламя выше, пусть боль острее,

Пусть плаваются жизнь и тело!
Чувства

Каждый день я сдираю кожу,
Каждый день обнажаю душу,
Мир живёт по законам божьим,
Я в себе его часто рушу.

Ты такой же. Мы так похожи...
Точно так же творишь безумства!
Как живётся тебе без кожи
В мире, где убивают чувства?

Все что было – лишь то и будет.
Все что будет – уже свершилось...
Обнажённые нервы судеб –
Это главная божья милость.

Предновогоднее

Эта утренняя прохлада
Просто завязь, начало дня.
Позабудь о дождях! Не надо
Старой грустью терзать меня.

Разлетятся в тумане листья,
Растревожат вдруг память век,
Осень жизни повадкой лисьей
Заметает забытый снег.

Здесь декабрь цветной и звонкий,
Карнавалом ночных огней,
Только память ниточкой тонкой
Все сшивает страницы дней.

Предчувствие войны

Я иду по бездорожью
В эту степь без дна.
В том, что правда станет ложью –
И моя вина.
Мне не стать степной орлицей,
Не взлететь,
Под ногами пыль клубится
Или смерть.
За спиной безвольно сложены
Два крыла,
А луна, тоской встревожена,
Проплыла
Над холмами галилейскими,
Кронами берёз
И глаза мои библейские –
Что озёра слёз...

Убереги от сквозняков
Свою загадочную душу,
На свете много дураков,
Желающих её разрушить.
Когда закончится апрель
В глазах, в походке, в мыслях, в теле,
Мы счёт неправедных потерь
Едва ли подвести сумеем...
Свою ромашковую грусть
Не передать нам по наследству.
Я жизнь вдруг понимать учусь,
Одной ногой вступая в детство.

Не заживает эта рана.
Опять иду менять бинты.
Опять болею от обмана
И пустоты.
Скупое солнце бьётся в окна,
Пытаясь перекрасить день,
Жизнь, как учение Софокла –
Без перемен.
Сто тысяч лун пройдут по небу:
Рождение, судьба, погост...
Бери любую! Только мне бы
Одну из звёзд...

Через ГУГЛ...

Я иду по забытой улице
В электронный наш, страшный век...
Небо серое, солнце хмурится,
Серый воздух и серый снег.
Я иду и твержу заученно
Номер дома, как важный шифр,
Надо мною деревья — тучами
И года — вереницей цифр.
О, хрущёвка, времён прабабушки,
Затрапезный ужасный вид...
Я любила твои оладушки
И шершавость холодных плит.
Пусть у входа кусты погнуты —
Иероглифы в дымке неба,
Я иду к своему галуту
Через слезы, мечты и небыль.
Чей-то голос скрипит, простуженный...
У калитки огни зажглись —
Это я по обочине, лужами
Через время шагаю в высь...

Тают годы, тают, как льдинки
В золочёном бокале грёз
И вплетаются паутинки
Белою ниточкой в медь волос.
В этой бездне могу пропасть я –
Мыслей, чувств и бунтарских слов,
Но, какое, поверьте, счастье,
Слышать шёпот дождей и снов,
Смех и стоны ветров залива,
Гимн торжественных тополей,
И всегда проходящих мимо,
Бело-розовых кораблей...

Что ты маешься, гордая птица,
В этом городе каменных лиц?
Улетай! Есть другие столицы
Для таких же израненных птиц.

Улетай! Есть другие просторы,
Где душа так беспечно вольна,
Облака подпирают там горы
И луч солнца качает волна.

Улетай! Там другие мотивы
Вечных истин, безумных стихий,
О любви там поют пилигримы
И поэты слагают стихи.

Так красиво расправлены крылья!
Миг полёта – волнение, страсть!
Ненавижу себя за бессилье,
Мне туда никогда не попасть...

Забываю дожди косые,
Тополей серебристый пух.
Умирает во мне Россия.
Или я в ней. Одно из двух...

Жизнь течёт по своим законам
Календарным набором дней,
Забываю твои иконы,
Белый саван твоих полей...

Только ночью, когда не спится
И на сердце – тоска и грусть,
Вижу – огненной колесницей
Мчится в пропасть святая Русь...

Вино сегодня так горчит
И пенится в бокале,
Забывтый Бог в окно стучит,
Тихонько бьёт по раме.
Я точно знаю – Он везде,
Внутри меня, снаружи,
В ночной серебряной звезде,
В большой дворовой луже...
В порывах ветра, в сквозняках,
В мотивах сна и скрипки,
В твоих глазах, в твоих руках,
В твоих словах, в улыбке.
О, жизнь – огромный водоём,
Бурлящая планета!
Но день за днём, но день за днём -
Лишь Он источник света!

Жить вопреки всем законам местности,
Плыть по течению реки словесности,
Слово на ощупь в потёмках щупать,
Чтобы потом рассмотреть под лупой,
Чтобы глаголом не жечь, но жалить,
Чтобы тебе изменяла память,
Чтобы дорога, ведущая в гору
Стала тебе, наконец-то, в пору,
Чтобы забыть интриги и сплетни,
Чтобы тебя не кусали слепни,
Чтобы тебе не порвали жилы,
Те, кто совсем по-другому жили.
Им не понять, что твой тихий голос
Только в степи одинокий колос,
Только тоски бесконечной нота.
Стихосложение — твоя работа.

Берёзовая роща!
Как будто наяву.
Там думалось мне проще,
Казалось, что живу.
Там навсегда осталась
В берёзовой тени
Души моей усталость
И в солнечные дни.
Там в песнях столько грусти,
Там светлая тоска,
Там дышит день искусством
И плачут облака...

Слушая Ахматову...

Слушаю «Подорожник»
И понимаю вдруг –
Я – рока, судьбы заложник,
Поэзии, что вокруг!
Я вечный странник, скиталец,
Воспевший луну в волне,
Мой старый походный ранец
С блокнотом всегда при мне.
Пройдут сотни лет. Наверно,
Изменятся даже сны,
Но волны всё так же мерно
Качать будут диск луны...

Гений

Чарльзу Буковски....

Он никогда не жил по правилам.
Пил больше чем всегда положено.
Его рука шедевры правила,
Его рука шедевры множила.
Он жизнь листал не по учебникам,
Любил неистово и грозно,
Назло учению Коперника,
Вокруг Земли вращал он звезды.
Другим, необъяснимым зрением
Смотрел на небо под ногами.
И шарик наш, доступный гению,
Пинал большими сапогами.
Давно растаскан он по полочкам,
Давно разобран на цитаты.
И меткие слова-иголки
Переживут любые даты...

Не отнимай мою печаль!
Она неотделима
От облаков, летящих вдаль,
И дней, летящих мимо.

Не позволяй моей тоске,
О, всемогущий Боже,
Слезинкой таять на песке
И на горячей коже.

Оставь мне в перспективе лиц,
Сюжетов и мгновений,
Святое таинство страниц
И грусть стихотворений...

Февраль маячит у дверей.
Зимы, по сути, не осталось,
Но есть привычная усталость
В неярком свете фонарей.

И ожидание весны
В который раз тревожит сердце.
Весной сумею отогреться
И позабыть дурные сны.

Февраль маячит у окна,
Стучит дождём по красной крыше,
Мой день, мой час ещё не вышел
И жизнь не выпита до дна.

Дожди

Забудь меня, мой новый Вавилон!
Мне никогда не стать твоей царицей
И лишь ночами город будет сниться,
Который изначально обречён.
Зачем тебе ещё одна блудница,
Забытая и богом, и судьбой,
Ещё шумна и празднична столица,
Ещё сливаюсь я с её толпой.
Кто завтра вспомнит о моих грехах?
Философы у нас давно не в моде...
И лирики. Оденусь по погоде,
Чтоб не замёрзнуть в собственных стихах...

Слезы мои — это капли
На лобовом стекле,
Так я жила, не так ли,
Как бы хотелось мне?
Мчусь по огромным лужам
Куда-то в вечерний мрак,
Голос мой здесь не нужен,
Он для других – пустяк.
В нем слишком много боли
Больше чем нежных слов,
Господи! Ну, доколе
Буду искать любовь?
Что в твоём дерзком плане?
Дай хоть один намёк.

Живу меж городами,
Скитаюсь между строк.

Тоска по Петрарке

Потеряться во времени
И уйти раньше срока,
Украшение темени –
Лавр поэта-пророка.
О, поэты-апостолы,
Мудрецы, балагуры,
Вас на белые простыни
Не дождутся Лауры.
Не одарите нежностью
Под покровом луны
И одной безнадежностью
Песни ваши полны.
О, сонеты и оды!
Ваш блистательный слог!
Одиночества годы
И величие строк.

Ах, «тройка с бубенцами»,
Забывая на треть,
Завещано отцами
Нам здесь с тобой стареть.
Куда летите, кони?
Здесь камни да пески,
Здесь – небо на ладони,
Здесь – океан тоски.
Но нет земли прекрасней
И для души родней!
Иду дорогой странствий,
Чтобы остаться в ней...

Ни праведная и ни грешная,
Живу на выжженной земле,
Где, может, только воды вешние
Слезами вспомнят обо мне.

Там, где глаза тоскою полнятся,
Ушедший день – и век и миг,
И у иконы Богородицы
Всегда такой печальный лик.

Живу бездарно и так беспечно,
Впитав в себя чужую боль,
И только небо и бесконечно
И надо мной. И подо мной.

Памяти поэта Андрея Ширяева

1
Мы – ничто и никто. Мы – обычный прах,
Пылинки в домне Вселенной и чёрный пепел.
Как тебе там, Андрюша, на небесах?
Чище там воздух, скажи, и сильнее ли ветер?
Как тебе там поётся? Простор души
Больше не сжат телесною оболочкой,
И никогда не будет тебя душить
Боль, что стояла за каждой, за каждой строчкой...
Здесь всё по-старому. Первый за осень дождь
Мне оцарапал щёки, прошёл по нервам.
Здесь всё по-старому. Те же зависть и ложь.
Мир не меняется. Это, Андрюша, скверно.

Мир, расколотый надвое –
Есть только – свет и мрак
И удивляться надо ли,
Если внушает страх
Расколотый, перекопанный,
Солдатами перештопанный,
Политиками запачканный,
Аферами и подачками...
Мир, из под ног ускользающий,
В дымке вечерней тающий,
С вопросами и ответами,
Воспетый в стихах поэтами,
Всею мощью звучащих лир,
Безумный, безумный мир.

Что наши песни тут?
Книги, улыбки, чувства?

Может, прогнозы лгут –
Мир не убил искусство?
Там, с высоты, я знаю,
Андрюша, тебе видней,
Как лебединая стая
Вдруг падает в ширь полей,
Как меркнут под утро звезды,
Как волны луну качают,
Как ветер, шальной и грозный,
Перины свои взбивает...
Ты там – мотылёк, ты – волен,
Как ангел, крылами машешь,
За то, что тоски и боли
Испил роковую чашу...

2

Если тебе дан голос,
Которым ты можешь петь –
Ты – одинокий колос,
В степи ожидающий смерть,
Ты – одинокий парус
Средь тысяч чужих морей,
Ты – измеренье, градус
Всех на земле январей...
Птица далёкой выси,
Белый, измятый листок,
Где чувства твои и мысли
Ложатся в просторе строк,
Сгусток вселенской боли,
Первой любви глоток,
Ветер в зелёном поле,
Бурный речной поток,
Солнечный день, ненастный,
Алых закатов нить...
Боже! Какое счастье

Всё это в себе вместить!
Кукловод

Расставит кукловод
Своих послушных кукол
Под синий небосвод –
Под свой хрустальный купол.
Он одет с иголочки!
Какая в нём сноровка!
Дёргать за верёвочки
Вовремя и ловко...
Станешь взрослой, девочка!
Станешь взрослым, мальчик!
Вас незримой ленточкой
Свяжет балаганщик.
И назначит роли
И жизненный сюжет
Радости и боли,
Падений и побед.

Тонкий мир на прозрачной бумаге

Поэтика

Где берега таинственной реки,
Куда стремятся помыслы и чувства,
Где женщины прозрачны и тонки,
Где обитает интерес к искусству
Поэтики. Где нежная рука
Выводит строки – каменные глыбы,
Где мысль всегда настолько глубока,
Что мы её едва понять смогли бы...
Где этот мир? В который так стремлюсь?
Потерян он во времени, в пространстве,
И потому моя понятна грусть
В её таком безумном постоянстве...

Слагаю странные стихи,
Пою рулады,
А жизнь выводит за грехи
На баррикады...

Вчера – охотник. Завтра – дичь.
Так будет снова.
А мне бы истину постичь
В значенье слова.

В пьянящем запахе цветов,
В морском тумане,
В тревожном пении ветров
В ночном дурмане...

Не подводить итоги,
Не составлять тома,
Звуки, ритмы и слоги,
Души твоей тюрьма.
Ромашки и подорожник,
Как знаки в твоей судьбе,
Ты просто вечный заложник
Музыки, что в тебе.

В душе опять звучат стихи
И просятся наружу,
Переплетенье всех стихий
Тебе тревожит душу.
И замирают на часах
Мгновения и стрелки,
Но кто-то там на небесах
Не видит почерк мелкий...

Поэзия – это дыхание ветра.
И одиночество. В километрах.
Вершины гор. И полей просторы.
И боль, что снова впитали поры...
Ухабы, кочки, холмы, лощины.
Твои сомненья. Твои морщины.
Полёт метафор. Дорога в небо.
И шаг – над бездной. И быль. И небыль...

Жить пересудами
Да пересмешками,
Казаться дурами,
Сражаться с пешками.
И петь застольную
В избе разрушенной
И птицу вольную
Найти задушенной.
Забыть: о совести,
Свече сакральной,
Печальной повести
О самом главном.
И снова каяться
В чужих грехах,
И снова маяться
В своих стихах...

Квадраты окон – рамы для картин,
Где жизнь течёт то медленно, то бурно,
Ты задвигаешь тюль цветных гардин
Лишь ночью – беспощадной, жаркой, лунной.
Ты между ними — странное пространство
Твоих видений или вещей снов,
Между Танахом и Экклезиастом
Ты ищешь слово – истину основ...
И снова – ощущение полёта,
Ты – призрак ночи, тень, ты – дежавю,
И ангелы стучатся в домик Лота
И ветер мнёт уставшую траву...

Увидишь на пути,
Дойдя до половины,
Не горы впереди –
Обычные равнины.
Обыденность, как ночь
Опять накроет пеплом
И как себе помочь
Писать о чём-то светлом?..
Разбросаны листки
И мысли, и стремления...
Беспечные ростки –
Твои стихотворения...

Мы не поэты – трубадуры,
Глашатаи не медных труб,
Стихи – печальны и понуры,
Как поцелуй бескровных губ.
Кто вспомнит нас, когда исчезнет
Наш тихий голос – тяжкий вздох.
Идём над пропастью, над бездной
Чтобы уйти в чертополох...

Простите мне – я больше не вернусь
В страну, где на часах ржавеют стрелки,
Блестят фальшиво грубые подделки,
Где много слов, где слишком мало чувств.

Душа больна от перемены мест,
От параллелей, от меридианов,
От пустоты, что подменяет песнь,
От карликов, размером с великанов.

Пространство – тюрьма поэта,
Его золотая клетка,
Ах, зелень прошлого лета,
Так ранит больно и метко.
Дрожат под ветрами листья
Последнего листопада,
Когда-то стремилась в высь я...
Но падаю в бездну ада...

Мы с тобою вечные скитальцы,
Мы – паяцы, дети мишуры.
Нам бы песни до утра и танцы,
Маски да воздушные шары...
Но, когда закончится веселье
И рука застынет над листом,
Мы с тобой отметим новоселье
В доме одиноком и пустом...

Утро в Нацрат Илите

Поэзия! Наш милый городок
тебе столь мал, что за границы скобок
выносишь опьяняющий глоток
холмов, низин и золотистых сопок.
Земля моя растёт не вширь, а ввысь
И купол неба давит мне на плечи.
Душа, ты белой птицей обернись
И улетай туда, заре на встречу,
Где розовые облака и лес
Рука Творца торжественно выводит.
Там красота касается чудес,
Чтобы потом застыть на небосводе.

К Читателю...

Если завтра кончатся день и мысли
И стрелки часов замрут,
Ты к ангелам светлым меня причисли,
Скажи, что все книги врут.
Все слова, что тебе шептала,
Знает весь белый свет,
Я на целый век опоздала —
На сто торжественных лет.
Сто тревог пролетело мимо
И сто разошлось дорог,
Но знай одно — я тебя любила,
Как ты никогда не мог...

Мир книги

Я тебе открываю глаза
В тонкий мир на прозрачной бумаге.
Здесь полощутся рифмы, как флаги
И на солнце блестят образа.
Раздвигаются за горизонт
Эти стены бумажного Храма,
Здесь комедия песни поёт
И тоскует великая драма.
Этот мир и огня, и безумства,
Вероломства, тоски водоём,
Но какие в нем сильные чувства
и какое величие в нем!

Пусть не знаю точно я,
Что там, впереди...
Жизнь моя построчная,
Боль моя в груди.
За глаза обманные,
Мною позабытые,
За желанья странные,
Мной давно убитые.
Мелкое и важное!
Разве разберёшь
Жизнь мою бумажную,
Правду или ложь...

Заражаюсь сарказмом.
Ухожу от амбиций.
Горло, сжатое спазмом
Не оценит патриций.
В этом мире суровом,
Где ромашки в пыли –
Разве мыслью и словом
Мы кого-то зажгли?
Знаю – с каждым рассветом,
Что приходит к беде
Тихий голос поэта
Умирает в тебе.

Не спи, душа! Проспишь его явление!
То страстный крик, то нежный шепоток,
Когда к тебе идёт стихотворенье
Мелодией в ушах звучащих строк.
Не спи, душа! Тебе мгновенья эти
Как богомольцу утренний набат
И этот голос, что звучит в поэте –
Его проклятье,
 карма
 или клад...

О любви в сотый раз...

Я приду к тебе нежной нимфою
Через тысячу лет забвения,
Если кожу царапать рифмами –
Участится сердцебиение.
Голос мой, навсегда простуженный,
Сигаретный впитавший дым,
По тропинке, к закату суженной,
Только эхом твоим храним.
Жизнь как песня, стихотворение,
Новый Свет или Старый Рим,
Если счастливы хоть мгновение –
Значит, вечер неповторим!
Растекается небо звуками –
Это арфы поют для нас,
Это ангелы стрелы с луками
Приготовили в сотый раз...

Какая по счёту осень
Явилась сегодня к нам?
Всё так же обиды сносим
Презрением к зеркалам.
Пусть снова тоски брожение,
Дождя капризный мотив,
Нам хватит воображенья
На двести холодных зим!
Нам хватит тепла, нам хватит
Огня от ночной свечи,
Погода со мной не ладит,
Ты душу мне полечи!
И всё, что случится завтра
Пускай не пугает нас,
Нам нужно дожить до марта
В который по счёту раз...

Я всегда с тобой,
Я – пёрышко на ладони.
Жить одной судьбой
В слове, в крике, в стоне.
Удержи меня,
Удержи, попробуй,
Гаснут блики дня,
Вечер пахнет сдобой,
Недопитый чай
На столе остыл,
Мы – одна печаль,
Мы – один посыл...

Обречена навек теперь
На эту сладостную муку,
Когда в тиши внимаешь стуку
В давно не запертую дверь.
И беспокойно ждёшь звонка,
Когда молчанье телефона
Страшней убийственного тона.
Пусть нить предательски тонка,
Но никогда не оборвётся,
И сердце учащённо бьётся
И над строкой дрожит рука...

Под звёздным небом январей
живём который год,
качает шапки фонарей
притихший небосвод,
Цветные плещутся огни
в зелёной пене моря.
И только мы с тобой одни
и в радости, и в горе.
На праздник жизни не попасть.
Распроданы билеты.
И время открывает пасть,
глотя наше лето...

Сигаретный клубится дым,
Дверь балкона – ворота Храма,
Прочь сомненья! Ты мной любим!
Проза жизни. Точнее – драма.
Пусть изменчивый мир вокруг
Нарисует другие краски,
Неизбежность любимых рук
С лиц срывает любые маски.
Остаётся лишь ты и я,
Облака над вечерним городом,
И ирония бытия
Снова мучит духовным голодом...

Убегай от меня, беги!
Знаешь, души умею красть я!
Голубиное наше счастье
Лишь до первой большой пурги.
Убегай от меня скорей
В тихий омут, пока не поздно...
Я любила, когда Борей
Мне срывал с небосвода звезды,
Я любила в ночи грозу,
Я автограф давала тучам,
Я любила твою слезу
И слова: «ты писала лучше».
Убегай, убегай, мой друг!
Пожалей свои перепонки!
Видишь – в небе линией тонкой
Кто-то чертит кривую разлук...

Если счастья нить
Оборвалась вдруг,
Некого винить
В череде разлук,
Если голос стих
И угас порыв,
И печальный стих
Зреет, как нарыв,
Если холодна
На плече ладонь,
Если пьёшь до дна
Горькую юдоль,
Не вини других –
Ты – беда всему.
И слезу, и стих
Отпусти во тьму.

Эдемский сад моей любви!
Звучат восторженные трубы...
Тебе ли горечи мои
шептали ласковые губы?
Тебе ли страстные уста
в ночи пророчили измены?
Тебе ли в тишине листа
судьба дарила перемены?
Когда закончатся полет,
дыхание, стихи и звуки,
я знаю, знаю наперёд –
ко мне свои протянешь руки!
Как призрак стану бродить
и гладить нежные побеги.
Я так давно устала жить!
Я так давно грущу о снеге...

Веточка ивы

Веточки ивы
Смотрятся в пруд,
Наши мотивы
Здесь не поймут.
Мир слишком глух
И не слышит напев
Ласковых губ
Праведных дев.
Мир слишком груб,
Не принять ему струн,
Ангельских труб
И таинственных рун.
Веточка ивы!
Сказать не боюсь:
Дивное диво –
Любовная грусть.

Слово – сильнее пули
Ранит меня так больно!
Злые ветра подули
Над главной колокольней.
И погасили свечи
Наших пустых затей
Если наступит вечер –
Не потечёт елей...
Как же мне не по нраву –
Ты разный – как свет и тьма,
Но по какому праву
Снова схожу с ума?

Шахматная жизнь

Я играла чужую роль.
Ты – Король. Я – простая пешка.
Так убить же меня изволь,
Убивай, я прошу, не мешкай!

Эта партия не моя.
Этот бой навсегда проигран
Но у чёрного Короля
Остаётся последний выбор.

Уходить мне давно пора.
подавляют размеры клеток.
Черно-белая жизнь – игра!
Почему же ты так не меток?

Лилит я, Эсфирь, Далила,
Но нежность моя чиста,
Целую тебя, мой милый,
В сиреневые уста.

Забудь о своей тревоге,
О мире вокруг – забудь,
Я брошу тебе под ноги
Любовь, что пронзает грудь.

Пусть сердце болит, как рана.
Оно не устало греть,
Я с кровью бинты сдирала,
Я знаю, что значит смерть...

Ты заболел. Все падает из рук.
Я трижды рассыпала соль на платье...
Душевный ли, телесный ли недуг,
Он требует вниманья и объятя.
Иди домой! Здесь лечат даже стены,
Домашний суп, привычный «акамель»*...
Идут года, но как же неизменны
любовь и боль...

**«Акамель» одно из названий парацетамола.*

Ах, так к лицу тебе морщины!
И мудрость прячется в глазах,
Ты мой единственный мужчина
И на земле и в небесах.

Твой голос так меня тревожит,
Любой – от крика до мольбы.
Я чувствую горячей кожей
Прикосновение судьбы.

И руки, что меня ласкают
И открывают даль и новь...
Наверно, это называют
Одним понятием – любовь...

Воспоминание

В золочёном уюте осени,
В море шёлковых покрывал,
Поматросили Вы и бросили
В бездну вечных житейских драм.

Не явитесь же гостем не прошенным
В новый век мой и в новый дом.
Мысль о том, что сегодня брошена
Завтра станет кошмарным сном.

Очень скоро нагрянет вьюга,
Белым саваном ляжет снег,
Поскорей бы забыть друг друга
Через тысячи лет и вех...

Осень простуженным голосом
Пела романс о любви,
Иней ложился на волосы,
Рыжие кудри мои...

Сезоны, года перепутались,
Близка забытая даль,
Я девочкой маленькой кутаюсь
В мамину старую шаль.
О, памяти детской излучина,
Что мне тогда было ведомо?
Я жизнью ещё не измучена,
Не брошена и не предана.
Я верю наивным сказкам
И песням из детских снов,
Ещё мотив не затаскан
В стихах моих про любовь...

Ах, какая нынче мгла.
Веет холодом могила.
Я любила как могла.
Как могла – я позабыла.

Почему же надо мною
Этот чёрный страшный купол?
Может, день с ночью мглою
Бог сегодня перепутал?

Вновь из глаз моих хмельных
Слёзы падают на строчки.
Я любила за двоих,
А страдаю в одиночку...

Почему нахмурил брови?
Почему не весел взгляд?
От любви до любви
Движемся мы невпопад.

И заносит нашу лодку
На утёсы или мели,
И шампанским или водкой
Поминаем, что имели.

Тонет парусник бумажный
Наших грёз и наших чувств
И уже совсем не важно,
Что вчера рождало грусть...

Не надо об усталости, не надо
Пока любовь жива,
Пока есть притяженье взгляда
И есть слова.
Пока душа, томимая распутьем,
Взлетает вверх,
Пока ещё не осознали сути
Дождей и вех...
Ещё наш мир не подытожив,
Бежит строка,
Касается горячей кожи
Моя рука...

Всем тем, чем я не стала для тебя
пусть для тебя другая муза станет,
а я уйду – без злобы, не скорбя,
туда, где летний дождь во тьме растает.
А я уйду, я заберу с собой
тревожные печальные закаты
и память растревоженной судьбой
потребуется забвенья и расплаты
за вечную мою земную грусть,
за голос, что с годами станет тише,
за всплеск эмоций, половодье чувств,
за гнёзда, разорённые на крыше...
И это – всё. И больше ничего.
Закрытой книги мятые страницы,
и холодок дыханья твоего
и копыя в сердце – длинные ресницы.

Тёмное время суток,
Время фантазий, снов,
Правит твоим рассудком
Только одна любовь.
Утро ли у порога,
Или кипенье дня,
Разницы нет для Бога,
Впрочем, и для меня —
Тени у изголовья,
Солнечный ли рассвет —
Дышим одной любовью
Вместе тысячу лет...

Ветер прошлого

Не загадочной, а доступною
Забрела случайно к тебе.
Как ждала я ветра попутного
Но не знала – ветра – к беде:
Растревожили занавески,
Разметали страницы книг,
Ты – безжалостный, грубый, резкий,
Ты от шёпота – сразу в крик.
Я своё позабыла имя,
Я свою позабыла гордость,
Мне с тобой – даже сад – пустыня
И любая дорога – в пропасть.
Даже вспомнить об этом тошно,
Только память всегда упряма
И хранит всё, что было в прошлом,
Все обломки Святого Храма.

Мы будем плакать и смеяться,
И говорить слова любви,
Но в мире мрачных декораций
Так обесцвечены они...
Я верю, что с приходом мая
Увижу розовые сны
И запахам весны внимая,
Словам окажутся тесны
Моё безумье и безумство,
Мой ветреный горячий пыл.
Нет, не остыли наши чувства
Пока весну ты не забыл...

От приятной наружности
Нет ни толка, ни спроса,
Ощущенье ненужности –
Вот значенье вопроса.
И стихи, как журавлики
Улетят за моря,
Где законы гидравлики
Изучает заря.
И придёт озарением
Боль, как старая новь.
Набираюсь терпения
И пою про любовь.

Ступени

Белеет с годами волос,
Теряет былую медь,
Тело – сплошная полость,
Но это ещё не смерть.

В рассвете, вперёд летящем,
Таится последний вдох,
Воскреснем или обрящем?
Об этом лишь знает Бог.

И те, кто стояли рядом,
Тоже уйдут туда,
Где ливнями, снегопадом
В пропасть летит вода.

За поворотом – поворот.
Но прозевав его нечаянно,
опять судьба тебя ведёт
в страну забвенья и отчаянья.
За поворотом - поворот,
там - камнепады и сомнения,
но глаз зелёных приворот
тебе дарит благословение.
И всё, что было позади,
и всё, что впереди случится –
огонь, пылающий в груди,
огонь, сжигающий страницы...

Среда

Двадцать шестое выпало на среду.
Шуршал привычный дождик вдалеке.
Мы завязали длинную беседу
о пустяке...

Кончаются невзгоды и ненастья,
меняют карты гибельный расклад,
мало на вырост купленное счастье
и звукоряд...

Иллюзии побед и поражений
и призрачный домашний наш уют.
Мы в среду не стеснялись выражений,
что больно бьют...

Я за победу без контрибуций,
сдамся тебе, так и быть, на милость.
Если надежды в душе скребутся,
значит, не зря солнце ночью снилось.

Я уйду в добровольный плен
глаз неприютных и губ сухих,
если вставать – так с твоих колен,
если упасть – головою в стих.

Не обижайся на этот бред,
знаешь прекрасно – я ветра дочь...
если идти – за любимым вслед,
если упасть – так в глухую ночь...

Одиночество

Шёпот мой или крик
тонет в протяжном стоне,
я превращаюсь вмиг
в прах на твоей ладони.
Облачный херувим
где-то в окне возник —
я превращаюсь в дым,
я превращаюсь в стих,
я превращаюсь в ночь,
в зеркало за спиной,
чтобы тебе помочь
справиться с тишиной.

Забудь эти губы, волосы, плечи,
слов стремительный листопад
и с каждой зимой тебе будет легче
входить в опустевший сад.
Там тянутся к небу седые кроны,
там скорбь леденит уста,
из птиц остались одни вороны
на белой тоске листа.

У памяти много стадий,
кадров немого кино,
подумаешь, пару ссадин,
заживших давным-давно.

Знай,
что мой остров –
всего лишь тень,
что ты оставлял на дороге.
Так просто
идти тебе
в новый день,
меня же – не слушают ноги.
И я за тобой
как всегда плетусь.
Плетусь по лунным следам.
Вот откуда моя неземная грусть
на пути, что приводит в Храм.

Закружатся ночные тени
И отразятся в зеркалах.
Я знаю таинство видений,
я постигала этот страх.

Когда к тебе приходят лица,
которые должна забыть,
когда влетается в страницы
Судьбы загадочная нить.

Нет времени. Оно условно.
Всё происходит – здесь, сейчас.
Вот почему дышу неровно.
Ничто не разделяет нас...

Мой кораблик идёт ко дну,
он устал от сердечных трещин.
Не вини же меня одну!
Это грех всех любимых женщин.

Объявляя тоске войну,
пей текилу, вдруг станет легче.
Не вини же меня одну!
Это грех всех любимых женщин...

Только я, только я одна,
не построив, смогла разрушить,
значит, только моя вина,
что друг другу плевали в души...

Говоришь, что мы с тобою лирики,
только я не верю в эту чушь.
Проза жизни в нас - от слов до мимики
бесприютство одиноких душ.
Заполняли комнату стихами,
словно облаками небосвод
и прогнозы грозные стихали -
от цунами до библейских вод.
Дни промчались как столетья мимо.
Чувства притупились. И перо.
Но не забывает Коломбина
старого влюблённого Пьеро...

Время кончается там, где кончается дождь,
за поворотом, на новом этапе творенья,
и ослепительно белой кажется грязная ложь,
как белое платье невесты - прекрасным виденьем...
Мне так легко обмануться, я - призрак в ночи,
цепи звенят на моих арестантских лохмотьях,
призрак без голоса, сколько теперь не кричи,
тает мой крик в мёртвом эхе ночной подворотни...
Ветер свободы давно не тревожит рассвет,
призракам разницы нет, чем наполнится грудь,
если душа существует три тысячи лет,
кто же сумеет её так легко обмануть...
Время кончается там, где кончается дождь,
капли стекают аккордом твоей несвободы,
только стихи и любовь, только этим ещё и живёшь
в мире безумных стихий при хорошей погоде.

Палитра жизни. Век контраста.
Нарушенный давно баланс.
На рану не наклеить пластырь,
Ведь эта рана не у нас.

Бомжи пируют на помойке.
Щенки бездомные скулят.
И не заправленные койки
Тепло Отечества хранят.

И этот город, пасть разинув,
Глокает по утрам юнцов,
По вечерам вгоняет в спину
Ножи кровавые отцов.

В его аккордах столько фальши,
В его газетах – грязь и ложь.
Я не грущу о настоящем.
Я в нём забытый старый бомж...

Отпусти спокойно прошлое,
Дай ему уйти,
Снегом поле запорошено
На его пути.
Не сжимай в объятьях памяти
Сильною рукой,
отпусти стоять на паперти
старой нищенкой.
И она, в толпе стоящая,
словно Богородица,
за тебя, за настоящее
в сотый раз помолится.

Ностальгия

В нарисованном мире
Стираются краски и лица,
Не грусти о пломбуре –
Для другого тоска пригодится.
Пусть в придуманной сказке –
Постсоветские жалкие принцы,
В ней цветные раскраски –
Это детство, которое снится.
Так шагай по пескам,
По пустыне, по жарким хамсынам...
Побелевшим вискам
Привыкать ли к своим Хиросимамам?
Этот ядерный взрыв,
Эта вспышка пустой ностальгии!
Но угаснет порыв –
вечна классика драматургии.

Знаешь, всё же ступени вниз
это лучше, чем бег по кругу.
Нам не раз нарисует жизнь
гололёд и ночную вьюгу,
перепутает краски дня,
междометия и предлоги.
Ты ещё не забыл меня
в одинокой своей берлоге?
Снова ветрам пустыни дуть,
проникать к нам в сердца и в очи,
если мы выбираем путь
из метафор и многоточий...

Где-то живёт Бог,
Смотрит на нас вниз,
Каждому свой – рок,
Каждому свой – приз.
Своя ипостась, юдоль,
Каждому – свой путь,
Кому-то познать боль,
Кому-то постичь суть.
Где-то живёт Бог
На перепутье вех.
Каждому – свой срок.
Каждому – свой век.

Всё, что касается звуков приходит не вдруг.
Мир открывается нам постепенно, не сразу.
Шёпот мелодий дождя, этот капельный стук,
ухо воспримет острее, чем видится глазу.
Разными звуками нас заполняет метель.
Где-то бушуют снега, где-то тихо снежинки
ложатся.
Ну, а когда, а когда наступает апрель –
эта смена мелодий для вечных земных декораций.
Всё, что касается звуков – является свыше...
и заполняет уставшие сердце и душу.
Главное в нас – не умение слышать.
Главное нам научиться когда-нибудь слушать...

Я всё ещё не открываю глаз.
О, сновидений призрачные звуки,
Я все ещё не отпускаю вас
туда, где веет холодом разлуки.
я все ещё больна былым огнём,
его испепеляющею бездной,
уже давно сгорели сад и дом,
и прошлое, как белый дым исчезло.
Кого винить? Да и зачем винить?
Все чувства исчезали в дымке сонной,
когда друзей случалось хоронить
или навек прощаться у перронов.
Я все ещё не размыкаю век,
я чувствую, как в темноте ложится
далёкий призрак – прошлогодний снег,
как белый пепел покрывает лица...

Жизнь прошла, как стихийное бедствие.
Солнце скрылось в пучине холма.
Темноты испугалась, как в детстве я,
но бреду в край, где царствует тьма...
Ничего за спиной не останется,
ни строений, ни крепких основ,
если к вечности не прикасается
одиночество сказанных слов.
Жизнь прошла, голубыми туманами
закрывая свечение лун,
родились мы седыми и старыми
в мире, что так отчаянно юн...

Жизнь течёт по венам,
но холодит уста,
над нашим Карфагеном
ещё роса чиста.

Ещё шуршат в квартире
газеты и шаги,
ещё в небесном тире
не найдены враги.

Так почему же в теле
такая боль и дрожь,
душевные метели
и злость на чью-то ложь...

Дожди

Горят лампадами созвездия,
но город выглядит обыденно.
Кому я предрекла возмездие?
Кого молчанием обидела?

В ночной тиши так много звонкого.
В ней звуки тают над долинами.
Кому пути вещала легкого?
Кому пути желала длинного?

Душа никак не успокоится.
Опять гремит над Хайфой громами.
Дождями плачет Богородица,
край неба заполняя стонами...

Над страшной бездной – по судьбе
Все ходим по канату.
Любая дверь ведёт к тебе,
а ты – ведёшь к закату...
Об этом горестно молчать,
а говорить тем боле.
На лбу особая печать
чернилами от боли...
Что я могу тебе сказать?
Чем облегчить мучения?
Могуч, ты Цезарь, только рать
всегда не любит гения.
Ты ж выделялся из толпы
манерами и статью,
малы дорожные столбы,
им не сразиться с ратью.
Но время побеждает пыль,
что под копытом вьётся,
слова останутся. И пыл.
А дальше как придётся...

Прости меня, моя звезда,
за все плохое!
Уносят счастье поезда,
уносят горе.
На старый маленький перрон
нам не подняться,
уходит жизнь, уходит сон
под дым акаций.
А там, за далью облаков,
родные лица
и нет преград и нет оков,
и нет границы...
А там, за далью – океан
дождей и слез,
туманов злой самообман
и детских грёз.

Памяти Глеба Якунина

Выбросить, выбросить, выбросить
всякий ненужный хлам,
чтобы у Бога выпросить
светлой дороги в Храм.
Кончится, кончится, кончится
мрачный кровавый век,
будут паяцы корчиться,
чтоб им простили грех.
Сбудется, сбудется, сбудется
эта благая весть,
смерть – это то, что чудится,
жизнь – это то, что есть...

Уходящему году...

Живёшь нараспашку там,
где зима обесцвечена,
строишь свой личный храм
тёплым зимним вечером.
За двадцать лет ты привык ко всему:
к дождям, к арабам, к ночным канонадам,
здесь ближе к Севышнему, потому
тебе и молиться совсем не надо.
Войны сменяют одна другую,
как волны сменяют закаты моря.
Так хочется землю найти такую,
где меньше солнца и меньше горя...
Но ты увяз в этой липкой жиже
сомнений, страхов, где воздух сер
и небо здесь с каждым годом ниже
и все острее месяца серп.

Ещё один обычной канители
промчался мимо календарный год,
душа томится в душном жарком теле,
но знает, что томление пройдёт.

Стучит в висках привычная усталость,
танцуют стрелки танго на часах,
мне ничего легко не доставалось –
сомнений цепи или детский страх.

Прижмусь к стеклу, чтоб мыслей жар ослабить,
привычен взгляд на осень сквозь туман.
сама с собой не научилась ладить,
тогда зачем мне этот голос дан?

Между городами

Я жизнь как азбуку учу:
дожди и камнепады.
Навстречу светлому лучу
лечу поверх преграды.

Глотая мрачный воздух труб,
их ледяную серость
я вспоминаю нежность губ
и ожиданья смелость.

Мелькают годы и столбы
качают лес и поле.
Здесь азбука моей судьбы.
Моя земля и доля...

В дороге

А мне какое дело,
Что вдруг темнеет в пять
И на листочке белом
Слова не разобрать.
Что день растаял в сопке,
Что улетел как дым,
Пусть голос мой негромкий
Тобой одним любим,
Пускай собака лает
На встречное авто,
Нас ночь не убивает —
Ведь мы и так ничто...

Нет времени. Есть только память
событий, мест, поступков, лиц.
Знамёна плещутся над нами,
встают страницы небылиц.
Переверни линейку времени,
обратный начинай отсчёт –
тебя погладили по темени,
легонько подтолкнув вперёд...
и набирая ускорение,
ты начинаешь новый круг –
путь от погоста до рождения,
и от любви до разлук...

Осеннее настроение

Чувствую сердцебиение
Рядом идущей осени.
Мой мир – это точка зрения,
Где все вектора – вопросами.
Где совесть – маяк целительный
Тебе не даёт пропасть,
Где кажется подозрительной
Любая, любая власть.
Сверкают стальные лопасти.
Оркестр играет Шопена.
Всё ближе я, ближе к пропасти
И кровь закипает в венах...

В старом парке тепло и уютно.
Где-то с шумом промчалось такси.
Пей до дна это нежное утро
И добавки у неба проси!
Запах осени неуловимый
На деревьях и травах повис.
Словно голубь – попутчик пугливый
Наша быстро летящая жизнь...
Подбираем ли крошки хлеба,
Отбираем под адский смех?
Нам всегда слишком мало неба,
Но земли хватает на всех.

Переход на зимнее время

По капле стекает утро.
Допей свой зелёный чай!
Судьба поступает мудро
И дарит нам ровно час.

Когда переставим стрелки,
Пусть время обманет нас –
Стираю с пустой тарелки
Пыль, что не видит глаз.

Мы время давно не видим
И слышать нам не дано –
В обед подавали мидий
В далёком немом кино...

Забирай всё, что хочешь!
Для себя ничего не осталось:
Наше таинство ночи
Или дня вековую усталость,
Эти струны дождей,
Что играют бессмертного Баха,
Белизну площадей
И луны голубую рубаху,
Кружева облаков,
Что проносятся мимо...
Я уже далеко –
На окраине мира...

Нам всё дано, чтоб быть счастливыми:
Красоты неба, листопада,
Тень под прохладными оливами
И купола златого града.

Ветров дыхание горячее,
Молитвы древние отцов.
Нам всё дано. Но мы незрячие.
Мы поколение слепцов.

Были мы и смелыми и гордыми,
Но боялись собственных теней.
И звучали ложными аккордами
Наши песни в гуле бурных дней.
Мы ушли. Туда, где море плещется,
Где волна купает облака.
В небесах – предательство мерещится.
На земле – живёт наверняка...

О, глаза мои темно-зелёные!
Их медовый омут иссяк.
То – надменные, то – влюблённые,
То – глядящие просто так.
Как стреляли – на поражение,
Как страдали – за целый мир,
Ненавидели стихосложение,
Но стремились на шабаш лир.
Вам теперь даже вспомнить нечего.
Жизнь прошла, с ней душевный пыл
И над тихим декабрьским вечером
Кто-то в небе слезу пролил.

Растворятся в серебряной дали
наших песен волшебные звуки,
пусть читателей мы потеряли,
не поймут нас ни дети, ни внуки...
Не найдётся нам место на полке
в книжной лавке, где сумрак и пыль.
И стихи – нашей жизни осколки,
кто-то выбросит завтра в утиль...

В мире паяцев, вечных шутов и шутих
Где пишется кровью граффити на асфальте,
Бесславно умрёт «высокого штиля» стих,
Словно хилый мальчик в горах далёкой Спарты.
Закончилось время великих. Сошло на нет.
На старых часах испортилась позолота.
В столетье рождается только один поэт.
Бог строго следит, чтоб не нарушалась квота.

Нет, нам не подавали устриц
И не носили шлейф за нами!
Мы грязь не освещённых улиц
В толпе месили сапогами.

Не посвящали нам сонеты,
В любви безумной не клялись!
Мы – рифмоплёты, не поэты,
Бездарно проживаем жизнь.

Пересекая дни и вехи,
Строкой мараем гладь листа.
Прости, поэзия, огрехи!
Мы – грешники, а ты – чиста.

Поэт – глупец, мудрец, безбожник,
Смех сатаны и слёзы Бога.
Но прорастает «Подорожник»
Его ахматовского слога!

Хамсин

Город простужен,
Хотя за окном – хамсин,
Глокает на ужин
Не молоко – бензин.
Он кашляет дымом,
Таблетки ему не впрок,
И вновь над заливом
Серый клубится смог...
Найдёшь ли лекарство
От глупости и обид?
С таким постоянством
Опять голова болит,
Глядишь из окошка,
Как глупые дни летят,
А рыжая кошка
Под пальмой кормит котят...

Тема «алых парусов» давно закрыта.
От Ассоль не осталось даже тени.
Есть старуха и с нею её корыто.
И строчки забытых стихотворений.

Наши Греи постарели, полысели.
Кто-то спился, кто погиб в Афганистане.
Ах, какими были русские метели!
Ах, какими мы с тобой так и не стали!

Так всегда кончается фиеста.
Где то вдалеке бушует море.
Все на свете – к перемене места.
Все на свете – к перемене горя.

Две переменных в одном уравнении жизни.
Радость и грусть, что меняются часто местами.
Ветрены девы сии и настолько капризны,
что могут смеяться – мгновенье,
а плакать – часами.

Две переменных – одна вековая усталость.
Мне уравнение это решить не по силам.
Всё, что постигла и всё, что постичь мне осталось –
солнечный ветер и скорбную тяжесть могилы...

Жизнь разделить на миллион молекул,
А сны – на атомы, чтобы постичь пространство,
которое в тебе. Не верить древним грекам,
что горы – это символ постоянства.
Всё движется. И всё меняет суть:
законы, камни, люди, даже тени...
И мысль, что так упорно ищет путь
для объяснения странности явлений.
Твой микрокосмос – вечная душа,
которой суждено так много жизней,
вдруг с каждым днём становится капризней
и губит тело, на куски кроша...

Жизнь проверив, словно сдачу
в кошельке, что часто пуст,
никого не озадачу
шёпотом холодных уст.
Мне, бродящей по пустыне
мне, идущей в никуда,
говорили – лёд остынет
и расплавится вода.
Все на свете перепутав,
правду, вымысел и ложь,
я шагнула из галута
в проливной весенний дождь.
Но в тоске ближневосточной
есть особый приворот...
Чей - то шёпот слышу ночью,
или гул библейских вод...

«Томленьё духа», «светлая печаль»,
негромкий плач соседского ребёнка
и годы, улетающие вдаль,
и навсегда забытая позёмка...
«Печаль светла». Она светла всегда
когда душа грустит о чем-то важном.
Нас покидают дни и города,
чтоб мы их не покинули однажды...

Я не прошу Тебя ни о чём.
Просьбы – всегда обнищание духа.
Дом, что наполнен любовью... в нём,
Пусть только молитвы коснутся слуха
Господня. За здоровье близких мне людей,
За маленький шарик в моей ладони,
За трудный путь на вершины грядущих дней,
За солнце, что в море ночами тонет.
За это счастье дышать весной,
Вдыхать ароматы дождей и песен,
За миг, ещё не разгаданный мной,
За то, что уйду в неземные веси...

Инна Костяковская,
Хайфа,
2015год.

